

УДК 373.167.1:316/070

СИДОРОВ Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 92 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий (3 в соавт.), 7 учебных пособий (5 в соавт.)

ТОТАЛЬНОСТЬ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ» И ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тотальное наступление «массовой культуры» преобразует социальную реальность. Омассовлению подвергается и журналистика, нивелируется личность журналиста, его способность к критическому восприятию действительности. Процесс затронул и систему подготовки журналистов – университетское образование. Требуется глубокий аксиологический анализ всей ситуации и включение в образовательный процесс ценностных доминант общественного развития.

Ключевые слова: журналистика, массмедиа, «массовая культура», образование, аксиология, ценности.

Пришло время, характеризующее омассовлением всех сфер жизнедеятельности человека – от политической до интимной. «Массовая культура», с которой безуспешно пытался бороться XX век, вошла в новое столетие на правах обыденности и повседневности. Сегодня специалистами даже утверждение свободы в условиях «массовой культуры» расценивается в качестве возможности средне- и малообразованного большинства заявить свои ценности в качестве приоритетных [2, с. 22]. «Массовую культуру» уже не клеймят и даже не анализируют, а просто соглашаются с фактом, что она, подобно массовому человеку Х. Ортеги-и-Гассета, заняла практически все медийное

пространство. И подобно описанной философом массе, фактом маскульта стал «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой... доволен собственной неотличимостью» [12, с. 173].

В наши дни наблюдается какое-то общее примирение с новой культурной реальностью, подобно тому, что некогда заметил еще Й. Хейзинга. В 30-е годы прошлого века он констатировал, что снижение потребности в критике и помрачение способности к ней, извращение функции науки, разумеется, указывает на серьезное расстройство культуры. А потом саркастически констатировал: полагать, что, указав на симптомы, можно в принципе устранить

зло, значит жестоко ошибаться. Ибо сейчас же слышатся яростные возражения тех, кто видят себя носителями новой культуры: мы не желаем, чтобы опробованное знание возводили на престол как судию наших деяний. Наша цель не думать и знать, но жить и делать! [15, с. 68]

Актуальность суждений великого культуролога в целом подтверждается коммуникативной практикой постмодернизма и обширными проблемами в сфере образования. В частности, осложнениями в области высшего профессионального образования журналистов.

Конечно, в наше время проблемы образования невозможно рассматривать в отрыве от происходящих процессов глобализации, потому что в социальной глобализации главенствующую роль играет образование, из категории национальных интересов высокоразвитых стран переходящее в категорию мировых приоритетов [5, с. 111]. Но мы не ставим своей целью рассуждать обо всех сложностях образования в нашей стране и даже не о всех аспектах этой проблематики в области университетской подготовки журналистов, остановимся лишь на формировании ценностных начал труда журналиста. Здесь соприкасаются образование и культура, которые, по мнению философов, следует воспринимать как две стороны генетически единого процесса антропо- и социогенеза. Их более или менее гармоничное взаимодействие обеспечивает производство, тиражирование, передачу, усвоение и потребление знаний и ценностей [7, с. 12].

Однако образование и культура в современном мире далеко разошлись между собой, что само по себе свидетельствует о глубоких переменах в обществе. Сущность этих перемен, полагает исследователь, заключается в возникновении массового общества и «массовой культуры», создаваемой и транслируемой средствами массовой коммуникации. «Массовая культура» лишена четко выраженной национальной окраски, снижает порог национальной чувствительности, оказывая при этом воздействие на современного человека ничуть не меньше, чем национальная культура.

В равной мере и образование утрачивает функцию формирования национального (культурного) самосознания, ставя перед собой задачу всего лишь подготовки человека к профессиональной деятельности в той или иной отрасли материального или духовного производства [13, с. 22–23].

Так на небольшом пространстве сошлись многоплановые проблемы противоречивого взаимодействия маскульты, культуры, образования и, добавим к этому перечню, ценностного наполнения профессиональной деятельности журналиста, его способности следовать общественным идеалам, потребностям, интересам. Нельзя не отметить, что «массовая культура» стала тем внесенным в это пространство элементом, присутствие которого вызвало возмущение в нем и нарушило было сложившуюся уравновешенную картину взаимодействия культуры и журналистики.

В связи с этим стоит вспомнить, как век назад противопоставлялись две разновидности одной культуры – народная и элитарная. Сложно составленная культура общества делилась на «две культуры в одной национальной» – на реакционную культуру господствующих классов и «элементы демократической и социалистической культуры» [8, с. 120]. В качестве примера показательно вспомнить, каким образом Корней Чуковский в одной из своих работ начала 20-х годов прошлого столетия противопоставил Россию А. Ахматовой России В. Маяковского, причем Ахматова была представлена как наследница классических дореволюционных богатств культуры, как средоточие культурных традиций, а Маяковский воплотил в своем творчестве самоценное революционное новаторство, отрицание культурной преемственности. Их поэзия разделяла время, а время разделило поэзию А. Ахматовой и В. Маяковского. Так Чуковский продолжил построение типологии «двух культур» [6, с. 490–491]. Но сегодня картина радикально иная. Потому что правдами и неправдами в общественный дискурс внедрено иное противоположение – культуры элитарной и «массовой культуры».

И не учитывается, что уже столетие назад следовало различать не народную и элитарную культуры, а прислушаться к тем, кто разглядел историческую несовместимость культуры и мещанской антикультуры [3]¹. Потому что пресловутый китч в равной степени противостоит как элитарной, так и доставшейся нам из глубы веков народной культуре.

В одном контексте с уже названным противостоянием следует выделить два тесно связанных между собой явления.

Во-первых, в современном социально stratифицированном обществе, разрыв в доходах между полюсами которого недопустимо превышает все мыслимые показатели, социальные верхи ради сохранения статус-кво и стабилизации своего положения применяют политику продвижения «массовой культуры» в широкие слои этого общества. Потому что в произведениях «массовой культуры» есть нечто очень нужное политике поддержания статус-кво: как давно отмечено специалистами, произведения маскультула обладают такими характерными чертами, как уход от действительности и банальность [16, с. 37], – тем самым глушат общественную мысль, понижают напряжение в обществе. Удержание общестственности на расстоянии, чтобы она могла видеть лишь то, что ей показывают, дает политикам дополнительную свободу и позволяет им добиваться всего, что они определяют как «соответствующее государственным интересам», сколько бы маловероятно ни было согласие общестственности, будь она в курсе дела [4, с. 104–105].

Вот и получается, что противопоставление «массовой культуры» подлинной культуре (в данном случае неважно, элитарной или народной) ведет к обнажению ее социальной роли. Это обстоятельство критиками маскультула обычно не затрагивается. Вот почему, справедливо полагая «массовую культуру» недоброкачественным образованием, антиподом

ей стихийно избирают элитарную культуру, представление о которой ошибочно смешивается с понятием культуры элитарных слоев общества социального верха.

Во-вторых, давно миновало время, когда журналистика не зависела от «массовой культуры», оставаясь неприкосновенной, «незапятнанной» зоной. Но все это в прошлом – слишком тяжело давление новой духовной ситуации времени на все аспекты функционирования СМИ, и журналистика все более перенимает приемы и привычки «массовой культуры», сама становясь при этом неотъемлемой ее частью. В этой точке развития закономерно начинается негативная трансформация и журналистики, и журналиста. Вот и культуролог из Италии А. Менегетти в мире журналистики обнаруживает негативные, и по нашему мнению, родственные маскульту типологические признаки: во-первых, всеобщее невежество и бескультурие «власти пишущих перьев»; во-вторых, табу власти; в-третьих, продажность перьев. В связи с чем формулирует задачу: вернуть журналиста к тем начальным идеям, которые полагают высшим назначением средств массовой информации служение человеку [11, с. 177–178]. Сказано, заметим, весьма своевременно! И еще подчеркнем, что речь не столько о шагах прогресса, сколько о возвращении к истокам. Видимо, в этом посыле есть своя историческая закономерность...

Давление на журналистику со стороны «массовой культуры» сопровождается еще двумя внутренне связанными между собой социальными процессами XXI века – массовизацией СМИ и омассовлением профессии журналиста. За массовизацией СМИ в первую очередь угадываются новые технологии столетия, новые технические возможности, которые стали доступны широким слоям общества, но которые не сопровождаются повышением как в целом культуры этого общества, так и его

¹ В этой работе приводится классический пример – увидевшая свет в 1906 году статья Дмитрия Мережковского «Грядущий Хам». Ее автор писал о торжестве мещанского духа, пагубного для культуры, нормальных общественных отношений, человеческой личности.

медийной культуры, зато отмечены экспансией маскульта. Так что для нового столетия вполне типична фигура воспитанного на «массовой культуре» мещанина, до зубов вооруженного новейшими технологиями изготовления и распространения информации [1, с. 3]¹. Понятно, что уровень тиражируемой им информации полностью соответствует его культурному уровню. В этих условиях профессия журналиста стала выглядеть как вполне доступная почти каждому, и значит, что отныне каждому по плечу микрофон или печатный станок, а о собственном блоге в сетевой коммуникации и говорить нечего.

Сложившиеся к нашему времени социальные и медийные условия привели к значительным переменам в характере высшего образования журналистов. Среди них резкие изменения в номенклатуре изучаемых дисциплин, заметное упрощение в подходах к классическому культурному наследию, усиление внимания к технологическим составляющим профессии. В связи с чем в глазах студенчества меняется статус университетского преподавателя: он все менее привлекателен как теоретик и все более сомнителен как практик. Сознание студента раздваивается: в университете молодой человек получает по-прежнему необходимый в жизни диплом высшего образования, а современные приемы и стандарты труда журналиста – в реально действующих СМИ, в общении с их сотрудниками.

Наш символический универсум сложился на основе газет и журналов, телеграфа и радио, кино и телевидения, а сегодня открываются новые возможности синтеза этой классической техники коммуникации с компьютером. Произошла смена медиумов, когда переход к аудиовизуальной форме коммуникации стал предполагать культивирование иных, нежели интеллектуальные, способностей человека. <...> Главным становится вопрос о том, как люди ориентируются в образах. И как можно,

вопрошает аналитик, противостоять песням сирен и завораживающему взгляду Медузы Горгоны? [10, с. 454]. На уровне культурно сформированной личности растет сопротивление негативным тенденциям эпохи: всегда есть преимущества и достоинства, которые непосредственно вытекают из самой личности человека, а не из особых условий его общественного положения [9, с. 186]. Нет такой эпохи, которая была бы окрашена одним цветом времени; все цвета прошлого и настоящего, преломленные культурой, предстают как многообразие огромного ценностного потенциала человечества и человека.

Аксиологический потенциал формируется на основе приобретения социального опыта, освоения мира ценностей... Аксиологическое самоопределение личности тесно связано с задачами практического преобразования действительности. Образование же, согласованное с контекстом культуры, призвано обеспечить опыт присвоения ценностей. Новую ситуацию в мире, в т. ч. и в мире образования, составляют 2 фактора: неопределенность, с одной стороны, ориентация на будущее – с другой. В создавшихся условиях происходит коренная смена традиционных ценностей: поощряться будут познавательные способности и образованность, станет востребованным другой тип личности, а значит, в плане образования, – изменение тех форм идентичности, которыми оперируют нынешние поколения [13, с. 18–19, 21].

Сопротивление негативизму социокультурной ситуации начинается с опоры на личность преподавателя – личность, которая в общении со студенческой молодежью проявляется прежде всего спектром идеалов и ценностей, соотносимых с профессиональной деятельностью журналиста: технологии приходят и уходят, а ценности остаются. Так что в педагогическом дискурсе непомерной массовизации медиа может и должна быть противопоставлена индивидуализация творчества журналиста,

¹ Авторы статьи охарактеризовали «реформы ельцинской эпохи» как реванш мещанства. Думается, такую характеристику допустимо применить и по отношению ко всей постсоветской эпохе.

индивидуализация его культурного потенциала. Журналистика, по мнению Менегетти, несомненно, представляет собою громадную власть, однако именно поэтому нужно понять, что здесь существует порочный круг, который может быть разорван только самим журналистом. Публику журналисты также создают, поэтому, выражаясь метафорически, совершенно очевидно: если я плохо кормлю свою лошадь, то на дурной лошади и поеду; таким образом, печать можно использовать как средство для образования массы, а не только для ее поденного насыщения и подкрепления ее извращений. Поэтому журналисту необходимо приобрести основательные познания в области коммуникации, вернувшись к тем источникам, которые служат побуждениями к коммуникации [11, с. 184–185]. Здесь явно подразумеваются общественные идеалы как побудительные в области массовой коммуникации.

Тем более необходимо раскрыть для сложившейся университетской практики взаимосвязи ценностной сферы и гуманитарного образования, в частности журналистов. Удачно, на наш взгляд, многоаспектность такой взаимосвязи показала Л.В. Баева в своей характеристике гуманитарных наук, которые:

- ориентированы не на точность познания, а на глубину понимания объекта, что невозможно без анализа ценностных оснований личности или эпохи;

- исследуют не только рациональные сферы индивидуального или общественного бытия, но и «жизненный мир», «мир чувств»... Все это предполагает отнесение к ценности, т. е. выявление значимых ориентиров жизнедеятельности;

- имеют воспитательную функцию приобщения к высшим ценностям;

- являются сферой наследования ценностей в обществе;

кроме того:

- роль гуманитарного знания состоит в обнаружении духовного единства (и многообразия форм) человечества. Ценности при этом оказываются одним из духовных фун-

даментов цивилизации, культуры, квинтэссенцией мировоззрения и творческой активности общества;

- ключевые категории гуманитарных наук соотнесены с ценностными идеями (прогресс, благо, польза, ответственность, вина, долг) [2, с. 138–139].

Перечисленное исследователем надо воспринимать в качестве важнейших характеристик той системы образования, которая по многим своим параметрам была приближена к классической. Но скажем прямо: к былому поворота не предвидится, классическое университетское образование осталось в прошлом прекрасной и возвышающей душу легендой. Хотя при этом нельзя не отметить, что ценность образования способствует увеличению продолжительности обучения, интенсификации его методов, росту авторитета педагогов и т. д. То, что оказывается ценным для одних индивидов, неизбежно влияет и на убеждения остальных, как в конструктивном, так и в деструктивном отношении. Однако пришла иная эпоха, для которой коммуникация оказалась ключевым словом к ее пониманию. Коммуникация, как способ существования связи и взаимодействия людей в социальной сфере, отличительной чертой которого является продуктивный, конструктивный диалог [14, с. 253–254]. Отчего на первый план выдвинулась культура общения.

Следует уточнить: на авансцену вышло пока что только понимание необходимости культуры общения как новой рефлексии человеческого бытия. До воплощения императива в социокультурную реальность еще слишком далеко, несмотря на то, что вот уже как 30 лет назад Ю. Хабермас наделил коммуникацию ролью связующего звена в этом разорванном и распадающемся мире. Но в последующем критическом осмыслении этой теории выяснилось, что коммуникации старого образца для исполнения такой функции не пригодны, возникли обновления.

Радикальные перемены в характере коммуникаций сказались на форме и характере того послания, с которым преподающий журна-

листу обращается к своему студенту. Одна только смена письменной культуры на аудио-визуальную немедленно стала означать, что преподаватель

1) должен на своих занятиях как можно чаще пользоваться соответствующим техническим сопровождением изложения своей позиции;

2) находить для иллюстраций преимущественно актуальный аудио- и видеоматериал;

3) предполагать, что содержание таких иллюстраций за счет информационной насыщенности видеоряда вообще может оказаться многозначней и даже сильнее тезисов и объяснений лектора;

4) должен отдавать себе отчет в том, что актуальная «картинка», как правило, отсылает

воображение молодого человека к сиюминутному – событийному, модному прочтению, но почти никогда к основам мировой и национальной культуры.

Следовательно, ни мгновенная общедоступность массовых коммуникаций, ни техническое совершенство гаджетов, которыми можно воспользоваться на занятиях, ни готовность студентов к контакту по самой продвинутой технологии не особенно-то и способствуют установлению истинной коммуникации преподавателя и студента. Склоняясь перед технологиями, мы можем отступить перед стихией их обожествляющего маскульта, перед массовизацией медиа и потерять ценностное восприятие студентом мира его профессии.

Список литературы

1. Бабурин С., Бабурина Т. Возрождение из пепла // Лит. газета. 2012. № 49. С. 3.
2. Баева Л.В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей: моногр. Астрахань, 2008.
3. Баландин Р., Миронов С. Тайны смутных эпох. URL: <http://wordweb.ru/tainy/38.htm>.
4. Бауман З. Свобода: пер. с англ. М., 2006.
5. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: моногр. / под общ. ред. С.С. Чернова. Кн. 5. Новосибирск, 2009.
6. Кондаков И.В. Историческое и поэтическое время в субъектном «противостоянии» // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. М., 2006.
7. Культура, культурология и образование (материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1997. № 2.
8. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. М., 1973.
9. Лифшиц М. Мифология древняя и современная. М., 1980.
10. Марков Б. Человек в эпоху масс-медиа // Информационное общество: сб. М., 2004.
11. Менегетти А. Система и личность: пер. с ит. М., 2003.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо: пер. с исп. М., 2000.
13. Полякова А.А. Развитие аксиологического потенциала личности в контексте диалога культур: моногр. СПб., 2001.
14. Фарман И.П. Коммуникативная парадигма в социальном познании // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2005.
15. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: эссе. СПб., 2000.
16. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М., 1988.

References

1. Baburin S., Baburina T. *Vozrozhdenie iz pepla* [A Rise from the Ashes]. *Literaturnaya gazeta*, 2012, no. 49, p. 3.
2. Baeva L.V. *Informatsionnaya epokha: metamorfozy klassicheskikh tsennostey* [The Information Age: Metamorphoses of Traditional Values]. Astrakhan, 2008.

3. Balandin R., Mironov S. *Tayny smutnykh epokh* [Secrets of Troubled Eras]. Available at: <http://wordweb.ru/tainy/38.htm>.
4. Bauman Z. *Freedom*. Philadelphia, 1988 (Russ. ed.: Bauman Z. *Svoboda*. Moscow, 2006).
5. *Gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek i obshchestvo* [Humanitarian Issues of Our Time: Man and Society]. Ed. by Chernov S.S. Vol. 5. Novosibirsk, 2009.
6. Kondakov I.V. Istoricheskoe i poeticheskoe vremya v sub"ektnom "protivostoyanii" [Historical and Poetic Time in Subject "Confrontation"]. *Sub"ekt vo vremeni sotsial'nogo bytiya: istoricheskoe vypolnenie prostranstvenno-vremennogo kontinuum sotsial'noy evolyutsii* [Subject in the Time of Social Existence: Historical Performance of Spatio-Temporal Continuum of Social Evolution]. Ed. by Sayko E.V. Moscow, 2006.
7. Kul'tura, kul'turologiya i obrazovanie (materialy "kruglogo stola") [Culture, Culturology and Education ("Round Table" Materials)]. *Voprosy filosofii*, 1997, no. 2.
8. Lenin V.I. Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu [Essays on the National Question]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 24. Moscow, 1973.
9. Lifshits M. *Mifologiya drevnyaya i sovremennaya* [Ancient and Modern Mythology]. Moscow, 1980.
10. Markov B. Chelovek v epokhu mass-media [Human in the Age of Mass Media]. *Informatsionnoe obshchestvo: sb* [Information Society: Collected Papers]. Moscow, 2004.
11. Menegetti A. *Sistema i lichnost'* [System and Personality]. Moscow, 2003.
12. Ortega y Gasset J. *La rebelión de las masas*. Madrid, 1937 (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass. Kamen' i nebo*. Moscow, 2000).
13. Polyakova A.A. Razvitie aksiologicheskogo potentsiala lichnosti v kontekste dialoga kul'tur [Development of Axiological Potential of a Person in the Context of the Dialogue of Cultures]. St. Petersburg, 2001.
14. Farman I.P. Kommunikativnaya paradigma v sotsial'nom poznanii [Communicative Paradigm in Social Cognition]. *Nauka glazami gumanitariya* [Science Through the Eyes of a Classical Scholar]. Moscow, 2005.
15. Huizinga J. *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyy mir: esse* [The Shadows of Tomorrow. Man and Culture. Darkened World: Essays]. St. Petersburg, 2000.
16. Shestakov V.P. *Mifologiya XX veka: Kritika teorii i praktiki burzhuaiznoy "massovoy kul'tury"* [Twentieth-Century Mythology: Criticism of the Theory and Practice of Bourgeois "Mass Culture"]. Moscow, 1988.

Sidorov Viktor Aleksandrovich

Higher School of Journalism and Mass Communications,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

TOTALITY OF "MASS CULTURE" AND VALUE DOMINANTS OF JOURNALISM EDUCATION

The full-scale offensive of "mass culture" is transforming social reality. Journalism is also becoming "mass": journalist's identity, his ability of critical perception of reality are being leveled. The system of journalism training – university education – has also been affected by this process. A deep axiological analysis of the entire situation needs to be made, while the educational process has to include value dominants of social development.

Keywords: *journalism, mass media, "mass culture", education, axiology, values.*

Контактная информация:

адрес: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия, Васильевский о., д. 26;

e-mail: vsidorov47@gmail.com

Рецензент – Петров А.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка и диалектологии института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова